

РЕЦЕПТ НЮРИНОЙ СВЕКРОВИ

Девчонка как девчонка, но косы! Длинные, тугие, ни у одной в округе таких не было. За косы и полюбил её Михаил. Увидел, протосковал лето, а к Успенью сватов заспал.

...Нюра работала в райбольнице. По выходным округа собиралась на лугу в лесу Волчьем. Девки отплясывали под гармошку, а парни устраивали кулачки. На лугу и познакомились. У Михаила три брата. Станут стеной, все бегут врассыпную.

Михаил приехал свататься, и будущей теще очень понравился. Крепкий, ладный, непьющий. Сыграли свадьбу в тридцать восьмом. Только не пришлось Нюрочке покрасоваться косой своей. Тиф свирепствовал тогда в деревнях. Навезли тифозных в больницу, Нюра и заразилась, слегла. Долго провалялась в жару. В таких случаях стригут налысо. Брат Нюрочкин скандалил на всю больницу, не давал резать её расчудесную косу. Выгнали его за дверь, а Нюру всё равно остригли, и косу сожгли. Случилось это незадолго до свадьбы. На вечере сидела она слабая, бледная, в белом платочке, волосики ёжиком, только начали отрастать... В тридцать девятом родилась первая дочка.

Это теперь разные отсрочки перед службой в армии существуют, а раньше такого в помине не было. Пришло время, забрали Михаила на действительную, на Кавказ. А тут – война...

В деревне мобилизовали всех мужиков, остались старики, бабы да малые дети. Осталась и Нюрочка с полутороговой дочкой на руках да со свекровью. Слава Богу, та её любила. Бывало, до войны посадит на гулянках рядом, нальёт стопочку (а Нюрочка и вкуса спиртного не знала) и смеётся-приговаривает: «Попейся, молодича!»

Ведь знает, что Нюрочка не будет, а всё подшучивала над ней. Прожила свекровь с Нюрой до самой своей смерти. Всегда ладили, душа в душу. Любила свекровь её, как собственную дочь.

А чего не любить-то? Бабочка она была покладистая, работающая, чистоплотная, да и Мишу, сына её, очень любила. Коса у Нюры отросла, но уже не была выдающейся. Зато из простой девчонки превратилась Нюра в красивую женщину, расцвела, стать появилась.

Но в сорок первом обрушилась беда.

До того момента, когда на поле запылали конопляные снопы, в деревне лишь слышали погромыхивание дальних боёв, да время от времени приходили слухи о зверствах гестапо в Орле, а тут заскрежетали гусеницы по большаку, и в деревню вкатилась война. Сначала ворвались танки, за ними мотоциклы и машины с солдатами. Улица наводнилась немцами.

Первое, что они сделали, выгнали всех баб из хат в амбары да сараи, и расквартировались. Заходить разрешали только для того, чтобы навести порядок, приготовить.

Бабка собрала кое-какие пожитки, забрала невестку Нюру с маленькой дочкой и ушла с ними в летник. Сладили печку, стол, так и перебивались.

На постое в их хате жил дебёлый рыжий немец. Часто вынимал из нагрудного кармана фото и показывал фрау с малолетним сыном на руках. Из дома ему присылали посылки с шоколадом, печеньем. Он и повадился угощать Нюрочкину дочку, а сам всё на Нюру заглядывался. Почувя недоброе, свекровь вырядила невестку в рваньё. В сарае соорудила большой топчан. Сама ложилась спать с краю, внучку укладывала посередине, а Нюрочку у стенки. Утром самолично вымазывала её лицо и руки сажей.

Фриц всё, конечно, понимал, и только ржал над уловками старушки.

К зиме он совсем уж не давал прохода бедной Нюре, заставлял её умываться, чтобы не прятала красу.

Немцы резали скот, отбирали продукты, а деревенские кормились, как могли. По весне их спасали грибы, ягоды, щавель.

Надумала старушка пойти в лес, и невестку с собой прихватила. Молодка подберёзовики да свинухи собирает, а свекровь – мухоморы.

«Совсем бабка плохая стала, – подумала Нюрочка, заглянув в корзину свекрови, – одни поганки». Та, ничего не сказав, прикрыла добыток папоротником, принесла домой и затеяла баню.

Пока Нюра с дочкой купались, хитрая бабка сделала отвар из мухоморов. Не впервой ей снадобья стряпать, до войны отварами всю деревню лечила. Взяла и окатила Нюру ядовитым зельем.

На другой день кожа на теле у невестки покраснела и распухла. Увидав это, немец остолбенел, но никогда больше не подходил к Нюре и даже не заговаривал с нею. «Нечего фрицам на наших девок заглядываться!» – ворчала довольная старушка.

Война длилась. Каждый раз, как только бабка замечала, что фрицы засматриваются на Нюрочку, тут же пользовалась испытанным рецептом. Настойка на мухоморах действовала безотказно. Многих девок на деревне спасла тогда хитрая бабка. Скольких фашисты не угнали в Германию, боясь колдовской заразы!

В августе сорок третьего выдворили немцев с Орловщины. Михаил тоже освобождал родные места, а затем погнал нечисть до самого её логова. Бабы возрождали хозяйства и ждали весточек с фронта. Михаил дошёл до Берлина. На родину попал только в сорок седьмом. Бабка перед смертью успела налюбоваться на вернувшегося с фронта сына.

Нажили Михаил с Нюрочкой ещё двух детей. Любили друг друга до последних дней. Девчонка, пережившая оккупацию, первая Нюриня дочка – моя мама. Живёт она всё в той же деревне. Часто приезжаю к ней. Рядом с домом – лес, а я – грибница, ещё какая!

К мухоморам у меня особое уважение. Заслужили.